

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Гений

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Theodore Dreiser
THE GENIUS

The Genius © Theodore Dreiser, 1915. Renewed 1943

Перевод с английского *М. Волосова*

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саюкова*

В оформлении обложки использована
репродукция автопортрета художника
Фридрика Уильяма Макмонниса (1863–1937)

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Драйзер, Теодор.

Д72 Гений : [роман] / Теодор Драйзер ; [пер. с англ.
М. Г. Волосова]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 928 с.

ISBN 978-5-699-93218-4 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-93219-1 (100 главных книг)

Герой романа «Гений», талантливый художник Юджин Витла, во многом сродни своему создателю — американскому писателю Теодору Драйзеру. Их сближают не только биографические совпадения, но и эстетические взгляды.

Тернист путь Юджина к цели. Он обретает материальное благополучие и респектабельное положение в обществе ценой невосполнимых потерь. Но Юджин — сильная личность, он сумел не сломаться, пережив творческий и душевный кризис. Творческая личность, он находится в постоянном поиске и открывает для себя новую сферу — «великое искусство снов»...

УДК 821.111-31(73)
БК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-93218-4
ISBN 978-5-699-93219-1

© Волосов М., перевод на русский язык. Наследники, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Юджин Витла, обещаешь ли ты взять эту женщину себе в жены, чтобы жить с ней согласно воле божьей в священном браке? Обещаешь ли ты любить ее, беречь, почитать, лелеять в болезни и здоровье и, отказавшись от всех других, быть верным ей одной, пока смерть не разлучит вас?

Обещаю.

Книга первая

ЮНОСТЬ

Глава I

Действие этой повести начинается между 1884—1889 годами в городе Александрии, небольшом административном центре штата Иллинойс. Собственно городом Александрию с ее десяти тысячным населением можно было назвать лишь в той мере, в какой она перестала быть деревней. В описываемую пору в ней имелись: одна линия конки, театр, носивший название «Оперы» (неизвестно почему, так как там никогда не ставилась ни одна опера), два вокзала, по числу проходивших здесь железных дорог, и так называемый деловой центр, в сущности, четыре тротуара вокруг главной площади, на которых обычно толкался народ. В деловом центре города находился окружной суд и редакции четырех газет — двух утренних и двух вечерних. Газеты эти не без успеха старались довести до сознания своих читателей, что на свете много всяких вопросов как местного, так и общегосударственного значения и что жизнь ставит человеку немало интересных и разнообразных задач.

Несколько озер и живописная речка на окраине — пожалуй, самая приятная особенность окрестного пейзажа — сообщали Александрии характер недорогого курорта. Строения в городе были не новые, почти сплошь деревянные, как и вообще в американском захолустье того времени, но некоторые кварталы выглядели даже нарядно. Дома здесь стояли в глубине зеленых палисадников, и обрамлявшие их живые изгороди, неизбежные цветочные клумбы и вымощенные кирпичом дорожки с непреложностью свидетельствовали о достатке и комфорте, которым наслаждались их обладатели. Алексан-

дрия была городом молодых американцев. Ее дух был молод. Перед каждым еще простирались неведомые дали. Здесь можно было жить и радоваться жизни.

В этом городе обитала семья, которая по своему положению и составу могла считаться типичной для Америки, в частности, для ее Среднего Запада. Семью эту нельзя было назвать бедной — во всяком случае, она себя такой не считала, — но она отнюдь не была и богатой. Отец, Томас Джефферсон Витла, агент по продаже швейных машин, был в округе главным поставщиком одной из наиболее известных и ходких марок. Продажа каждой машины стоимостью в двадцать, тридцать пять и шестьдесят долларов приносила ему тридцать пять процентов комиссионных. Машин продавалось немного, но достаточно, чтобы агент мог выручить от этих операций до двух тысяч долларов в год. На эти средства мистеру Витла удалось приобрести участок земли и дом, который он уютно обставил, и открыть на главной площади лавку, где были выставлены последние модели швейных машин. Он также принимал в обмен подержанные машины других марок, со скидкой от десяти до пятнадцати долларов с продажной цены новой машины, занимался починкой и, сверх всего прочего, с истинно американской предприимчивостью пробовал свои силы в страховом деле. Он взялся за него в расчете, что к тому времени, как сын его, Юджин Теннисон Витла, подрастет, страховое дело достаточно разовьется, и он передаст ему эту часть своей работы. Конечно, пока еще трудно было сказать, что выйдет из его сына, но всегда хорошо иметь что-нибудь про запас.

Мистер Витла, рыжеватый блондин невысокого роста, с голубыми глазами, приветливо глядевшими из-под густых бровей, орлиным носом и вкрадчивой, подкупающей улыбкой, был человек живой и энергичный. Необходимость внушать несговорчивым матронам и их равнодушным или косным мужьям, что им не обойтись без новой швейной машины, выработала в нем осторожность и такт, а также известную изворотливость. Он умел принаравливаться к людям. Его жена считала, что да-

же слишком. И уж во всяком случае мистер Витла был честен, трудолюбив и бережлив. Ему с женой пришлось долго ждать того дня, когда можно будет сказать, что у них есть свой собственный дом и припасено кое-что про черный день. Но когда это время наступило, у супругов Витла уже не было основания жаловаться на судьбу.

Их славный домик, белый с зелеными ставнями, ютился в тени высоких густых деревьев, а перед домом раскинулась низко подстриженная лужайка с тщательно разделанными клумбами. На террасе стояли кресла-качалки, под одним деревом висели качели, под другим — гамак, а в сарае помещались шарабан и несколько фургонов, в которых Витла разъезжал со своим товаром. Он любил собак и держал двух шотландских овчарок. Миссис Витла обожала все живое: у нее была канарейка, кошка, куры, а в скворечнице, укрепленной на высоком шесте, обитало несколько дроздов. Словом, это был прелестный уголок, и супруги Витла по праву гордились им.

Миризм Витла была своему мужу доброй женой. Дочь владельца фуражной лавки в Вустере, что в графстве Мак-Лин, небольшом городке близ Александрии, она никогда не выезжала дальше Спрингфилда и Чикаго. В Спрингфилд она попала еще в ранней юности, по случаю похорон Линкольна, а в Чикаго съездила вместе с мужем, чтобы побывать на ярмарке, которую штат ежегодно устраивал на городской набережной. Миссис Витла хорошо сохранилась, она все еще была красива; под ее внешней сдержанностью скрывалась поэтическая натура. Это она настояла на том, чтобы назвать их единственного сына Юджин Теннисон — в честь своего брата Юджина, а заодно и прославленного поэта, — такое сильное впечатление произвели на нее «Королевские идиллии».

Имя Юджин Теннисон казалось папаше Витла несколько вычурным для американского мальчика, уроженца Средне-Западных штатов, но он любил жену и обычно считался с ее желаниями. Имена Сильвия и Миртл, которые она выбрала для дочерей, ему даже нравились. Все дети были хороши собой. Черноволосая, темноглазая Сильвия, энергичная, здоровая, всегда улы-

бающаяся, в двадцать один год цвела, как роза. Сестра ее, более хрупкого сложения, миниатюрная, бледная, застенчивая, была необычайно мила — совсем как цветок мирта, имя которого она носит, говорила про нее мать. Прилежная, мечтательная, склонная к уединению, она любила стихи. Все юные денди из старших классов считали за честь пройти с Миртл, но в ее присутствии не могли сказать двух слов. И она не знала, о чем с ними говорить.

Юджин Витла, двумя годами моложе Миртл, был любимцем семьи. У него были гладкие черные волосы, темные миндалевидные глаза, прямой нос и красиво очерченный, но, пожалуй, безвольный подбородок. Все находили необыкновенно приятной его улыбку, обнажавшую ровные белые зубы, которыми он словно гордился. Он не отличался крепким здоровьем, был подвержен частой смене настроений и рано стал проявлять черты артистической натуры. Плохое пищеварение и некоторое малокровие делали его более хрупким на вид, чем он был на самом деле. Под броней сдержанности в нем таилась пламенная, страстная душа, кипели бурные желания. Он был застенчив, самолюбив, не в меру чувствителен и очень неуверен в себе.

Дома он слонялся без дела, зачитывался Диккенсом, Теккереем, Скоттом и По и, глотая книгу за книгой, размышлял о жизни. Его манили большие города. Он мечтал о путешествиях. В школе на переменах он читал книги Тэна и Гиббона, дивясь пышности и красоте описываемых ими королевских дворов. Уроки языка, математики, естествознания и физики казались ему скучными, интерес к ним просыпался у него лишь временами и ненадолго. Иногда вдруг какие-то вещи представлялись ему занятыми — что такое на самом деле облака, из чего состоит вода, какие химические элементы входят в состав земли. Но охотнее всего он лежал в гамаке и, будь то весной, летом или осенью, глядел в голубое небо, просвечивающее сквозь верхушки деревьев. Коршун, парящий в небе и как бы застывший в созерцательном полете, надолго приковывал к себе его внимание. Чудесное зрели-

ще белоснежных облаков, которые, клубясь, несутся по ветру, словно плавучий остров, было для него подобно песне. Он не лишен был остроумия и обладал чувством юмора и чувством пафоса. Порой ему казалось, что он будет заниматься живописью, порой — что писать стихи. Он угадывал в себе склонность и к тому, и к другому, но не занимался, в сущности, ни тем, ни другим. Иногда он делал какие-то наброски — ничего законченного: уголок крыши, вьющийся из трубы дымок и летящие птицы; излучина реки со склонившейся над водой ивой и тут же лодка у причала; мельничная запруда со стайкой плавающих уток и мальчик или женщина на берегу. У него не было еще в то время дара изображения, а только очень острое чувство красоты. Очарование летящей птицы, пышно распутившейся розы, дерева, раскачивающегося на ветру, — все захватывало его. Он любил бродить вечерами по улицам родного города, любуясь яркими витринами и наслаждаясь ощущением молодости и вододушевления, которое дает толпа, и ощущением ласкового уюта от освещенных окон домов, просвечивающих сквозь густые деревья.

Он восхищался девушками, они влекли его, — но только те, что были по-настоящему красивы. В школе были две-три девушки, при виде которых ему приходили на память поэтические сравнения из книг: «красота — что стрела, пущенная из лука», «золотые косы, дивный стан», «прелестный образ, поступь феи», но он терялся и робел в их присутствии. Они казались ему прекрасными, но такими далекими. Его воображение наделяло их большей красотой, чем это было на самом деле, — красота жила в его душе, но он еще не знал этого. Одна девушка, чьи густые волосы, золотистые, как спелые колосья, тугими косами лежали на затылке, долго занимала его мысли. Он обожал ее издали, а она и не подозревала, что он не сводит с нее серьезных горящих глаз, стоит лишь ей отвернуться. Вскоре она уехала, ее родители переселились в другой город, и время исцелило раны Юджина — ведь на свете много красоты. Но цвет ее волос и чудесные линии шеи запомнились ему навсегда.

Витла подумывал о том, чтобы дать детям высшее образование, но никто из них не обнаруживал влечения к наукам. Они были, пожалуй, мудрее книг, так как жили в мире воображения и чувства. Сильвия мечтала о материнстве. В двадцать один год она вышла замуж за Генри Берджеса, сына Бенджамина Берджеса, издателя газеты «Морнинг Эппил», и в первый же год у них родился ребенок. Миртл, погруженная в премудрости алгебры и тригонометрии, уже задумывалась над тем, выйти ли ей замуж или стать учительницей, так как скромные средства семьи требовали, чтобы она чем-нибудь занялась. Юджин учился, грезя наяву и не заботясь о том, чтобы приобрести полезные знания. Он немного писал, но эти попытки шестнадцатилетнего мальчика были ребячеством. Он рисовал, но не было никого, кто сказал бы ему, стоят ли чего-нибудь его рисунки. Все житейское, как правило, не имело для него значения, а в то же время его пугало, что жизнь ставит человеку практические задачи: продавать и покупать, как его отец, вести торговые книги, управлять делом. Все это смущало его, и он очень рано стал задумываться над тем, что его ждет. Он не возражал против занятия, которое избрал для себя отец, но оно не интересовало его. Он думал, что для него это будет бессмысленной, скучной погоней за куском хлеба, да и страховое дело не лучше. Едва ли он когда-нибудь разберется в бесконечных дурацких параграфах страхового полиса. Когда по вечерам или в субботу он помогал отцу в лавке, это было для него сущим наказанием. Не лежала у него душа к этому делу.

Когда Юджину пошел тринадцатый год, мистер Витла уже стал понимать, что его сын не создан для коммерции, а когда тому минуло пятнадцать, он окончательно убедился в этом. Судя по книгам, которыми увлекался мальчик, и по его школьным отметкам, Юджина, видимо, не интересовали и школьные занятия. Миртл, которая была на два года старше брата, но в школе занималась в одной с ним классной, рассказывала, что Юджин меньше всего думает об уроках. Он глаз не отрывает от окна.

Опыт Юджина по части любовных увлечений был небогат. На его долю выпали те мимолетные переживания, которые суждены нам в ранней юности, когда мы украдкой целуем девушек или они украдкой целуют нас, — к Юджину относилось последнее. Он не увлекался какой-либо определенной девушкой. В четырнадцать лет одна юная школьница избрала его на вечеринке своим кавалером и во время игры в «почту», когда в темной комнате девичьи руки обвилились вокруг его шеи и девичьи губы коснулись его губ, он испытал незабываемое ощущение; но больше им не пришлось встретиться. Вспоминая это первое переживание, Юджин мечтал о любви, но всегда робко, издали. Он боялся девушек, да и те, по правде говоря, боялись его. Они не могли его понять.

Но на семнадцатом году жизни, осенью, Юджин встретил девушку, которая произвела на него глубокое впечатление. Стелла Эплтон, его ровесница, была настоящей красавицей. Белокурая, с темно-голубыми глазами и тонкой, воздушной фигуркой, она была исполнена того веселого и простодушного очарования, которое и само не подозревает, как оно опасно для обыкновенного беззащитного мужского сердца. Она кокетничала с мальчиками не потому, что кто-нибудь ей особенно нравился, а потому, что это забавляло ее. В этом кокетстве не было, однако, ничего мелочного и дурного, просто она находила, что мальчишки все премилые, причем те, что поскромнее, привлекали ее, в сущности, больше, чем воображающие о себе умники. Юджин понравился ей своей робостью.

Он увидел ее в первый раз, когда был уже в выпускном классе. Стелла недавно поселилась в их городе и поступила в последний класс третьей ступени. Отец ее приехал из Молина, штат Иллинойс, получив место управляющего на новой, только что открывшейся здесь фабрике приводных ремней. Девушка быстро подружилась с Миртл — по-видимому, ее привлекал в Миртл кроткий нрав, тогда как ту привлекала веселость Стеллы.

Как-то днем, когда подруги шли по Главной улице, возвращаясь домой с почты, они повстречали Юджина,

который шел к товарищу. Юджин почувствовал робость; завидев их издали, он хотел было бежать, но они уже заметили его, и Стелла с интересом его разглядывала. Миртл захотелось показать брату свою хорошенькую подругу.

— Ты не из дому? — спросила она, останавливая Юджина. Это давало ей возможность познакомиться с ним Стеллу; теперь он никак не мог улизнуть. — Мисс Эптон, это мой брат Юджин.

Стелла наградила его светлой, поощрительной улыбкой и протянула руку, которую Юджин робко пожал. Он совсем растерялся.

— У меня ужасный вид, — пробормотал он извиняющимся тоном. — Я помогал отцу чинить шарабан.

— Пустяки, — сказала Миртл. — Куда ты идешь?

— К Гарри Моррису, — ответил он.

— Зачем?

— Мы пойдем за орехами.

— Я тоже не отказалась бы от орехов, — сказала Стелла.

— Я вам принесу, — любезно вызвался он.

Она опять улыбнулась.

— Буду очень рада.

Ей хотелось предложить ему взять их с собой, но она не решилась.

Юджин сразу подпал под власть ее чар. Стелла была похожа на одно из тех недосягаемых созданий, которые и раньше появлялись на его горизонте. Чем-то она напоминала девушку с косами цвета спелых колосьев, только в той было больше человеческого и меньше сказочного. Стелла была прелестна. Нежная и розовая, как фарфоровая статуэтка, она казалась очень хрупкой, хотя на самом деле была здоровой и сильной. У Юджина захватило дыхание, но он чувствовал какой-то страх перед нею. Ему хотелось бы знать, что она подумала о нем.

— Ну, нам пора домой, — сказала Миртл.

— Я пошел бы с вами, если бы не сговорился с Гарри.

— Ладно, — ответила Миртл, — мы не обидимся.

Он попрощался, чувствуя, что произвел невыгодное

впечатление. Глаза Стеллы смотрели на него вопросительно. Когда он отошел, она поглядела ему вслед.

— Какой он милый, — сказала она Миртл.

— Да, только ужасный нелюдим.

— Отчего это?

— Он не очень крепкого здоровья.

— Мне нравится его улыбка.

— Вот как? Я ему скажу!

— Нет, пожалуйста, не надо! Ведь ты не скажешь, правда?

— Нет, нет!

— Но у него в самом деле хорошая улыбка.

— Приходи к нам как-нибудь вечером, ты его непременно застанешь.

— С удовольствием, — обрадовалась Стелла. — Вот хорошо. Мне и вправду хотелось бы.

— Приходи в субботу с ночевкой. Он будет дома.

— Обязательно приду!

— Я вижу, он тебе понравился! — засмеялась Миртл.

— Он очень славный, — просто сказала Стелла.

Их вторая встреча и в самом деле произошла в субботу вечером, после того как Юджин вернулся с работы из страховой конторы отца. Стелла пришла к ужину. Он увидел ее в открытую дверь гостиной и помчался наверх переодеться, — в нем пылал тот огонь юности, которого не может потушить расстроенное пищеварение или слабые легкие. Трепеща от радостного волнения, Юджин особенно усердно занялся своим туалетом, тщательно вывязал галстук и сделал аккуратный прямой пробор. Когда он через некоторое время спускался вниз, его мучила мысль, что ему надо сказать Стелле что-то умное, достойное его, а то она и не заметит, какой он интересный, но вместе с тем он боялся, как бы не осрамиться. Когда он вошел в гостиную, Стелла сидела с его сестрой у камина. Лампа под абажуром в красных цветах мягко освещала комнату. Это была обычная в таких домах гостиная — стол, покрытый голубой скатертью, простые фабричные стулья и полка с книгами, — но в комнате было уютно, и этот домашний уют чувствовался во всем.